

Пчелы

Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах
Том 2. Статьи 1862--1864
М., ГИХЛ, 1955
[OCR Бычков М. Н.](#)

Историки, публицисты и политики говорили, говорят и еще долго будут говорить чрезвычайно много вздора; все их теории будут разлетаться, как мыльные пузыри, до тех пор, пока они не будут чувствовать под ногами твердую почву осязательных фактов. Иной ученый муж пресерьезно начнет уверять вас, что он добрался в своих исследованиях до основных законов человеческого развития, до остова всемирной истории; спросите этого колосса учености, знает ли он устройство человеческого организма, предложите ему элементарный вопрос из физиологии или анатомии, и вы увидите, что он опустит глаза и поневоле признается в своем неведении; все его выводы основаны на бумажных документах; он не знает ни живого человека, ни живых людей; он не знает ни того процесса, который совершается в каждом неделимом, ни тех отправлений, которые имеют место в живом обществе; он видит только своими ослабевшими глазами ту частичку жизни, которая прилипла к пергаменному свитку, заваливавшемуся в архивной пыли; по этой частичке он думает воссоздать живые личности, составить себе понятие о человеке, изучить законы его развития; от этих бессмысленных стремлений определить по жалким отрывкам то, чего не знаешь и не хочешь изучить во всем разнообразии жизненной полноты, от этих бессильных попыток заменить наблюдение творчеством ума происходят ошибки, доктрины, политические убеждения, замысловатые теории, в которых недостает безделицы: знания дела и здравого смысла. Чтоб понимать событие, надо знать его деятелей; чтобы объяснить себе историческое развитие человечества, надо знать те силы, которые действуют в нем самом и вокруг него. Пусть гг. доктринеры, которых очень много во всяком обществе, начинающем мыслить, посмотрят вокруг себя и скажут, положив руку на сердце: что они знают? Какое действительно существующее явление природы им известно и понятно? Они принуждены будут сознаться, что знают большею частью только то, что думали другие доктринеры, жившие раньше их; над этими работами прежних доктринеров они проводят дни и годы, их они комментируют и критикуют, не добираясь до самой жизни и принимая свои слова и понятия за существующие явления. Эти доктринеры -- современное видоизменение средневековых монахов; у них есть трудолюбие, есть добросовестность, и при этом -- ни малейшего понятия о жизни, и вследствие этого ни одной живой идеи в уме, ни одного энергического движения в мозгу. Самое простое, понятное слово *жизнь* благодаря им превратилось в какую-то риторическую фигуру, лишенную плоти и крови; они понимают по-своему жизнь идеи, жизнь общества, жизнь человечества, словом, всякую *воображаемую* жизнь, всякую жизнь, кроме *действительной* жизни отдельного живого человека; о жизни животных им некогда и подумать; это такие мелочи, на которые им и взглянуть не хочется, им, законодателям человечества, носящим в своем мозгу решения разных мировых вопросов. Мы не имеем счастья быть доктринерами; у нас не хватает на это ни умения, ни желания; каемся чистосердечно в том, что мы имеем слабость интересоваться действительною жизнью, в каких бы крошечных размерах она ни проявлялась, и нисколько не интересоваться бесплотными порождениями доктринерствующих умов, в какие бы полновзвучные фразы они ни облекались. На этом основании мы намерены толковать с читателями не о теории божественного права, не об законе исторической постепенности, а просто о домашней и общественной жизни пчел. Мы сильно нуждаемся в положительной почве для наших исследований, в фактическом материале, из которого можно было бы выковать себе воззрения и убеждения металлической твердости и незыблемой основательности. Будем же смотреть вокруг себя, на живую природу, вместо того чтобы зажимать глаза или с упорным вниманием устремлять их на буквы, слова и фразы.